
II. ЗАТЯНУВШИЙСЯ ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС: ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ

ГЛОБАЛЬНЫЙ ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Р. И. Хасбулатов

Причины кризиса

Общими причинами бушующего финансового кризиса, на мой взгляд, являются:

- Цикличность динамики мировой и национальных экономик развитых стран и усиление синхронизации этих процессов в основных центрах мировой экономики (в «Великой триаде»).

- Глобализация мировой экономики и мировых финансов на общем фоне роста политической нестабильности и угроз вооруженных конфликтов в разных регионах мира – это усиливает неустойчивость мировой экономики и глобальное движение потоков капитала.

- Специфическое воздействие высоких цен на нефть на движение ссудного капитала, «отрыв» ценообразования на этот продукт от «классического» формирования цены и «давление» огромных массивов «свободных денег» на мировые финансовые центры, создание «мыльных пузырей» и соответственно необычайный рост масштабов фиктивного капитала.

- Формирование процессов, ведущих к уничтожению конкуренции в сфере крупного финансового капитала, рост глобального монополизма, подавляющего конкуренцию.

- Снижение эффективности и качества менеджмента в США, ЕС и Японии, неоправданные риски, допускаемые им в погоне за сверхприбылями.

- Кризис Бреттон-Вудских финансовых учреждений, созданных еще в конце Второй мировой войны для регулирования мировой финансовой системы, отсутствие адекватных современной обстановке наднациональных институтов регулирования движения финансовых потоков.

- Неадекватность методологической базы (либерально-монетарные подходы), лежащей в основе современной финансово-экономической политики большинства стран мира (развитых и переходных экономик).

Отметим и то обстоятельство, что во всей сфере общественно-экономической глобализации она наиболее мощно вторглась в область международных финансов, создавая обстановку крайней неустойчивости не только самой финансовой системы, но и общей глобальной экономической системы.

Признаки «болезни» стали обнаруживаться в Америке еще в 2007 г. в ряде секторов финансово-банковской системы. Но общие причины финансового кри-

зиса, несомненно, таятся прежде всего в циклическом движении национальной и мировой экономики. Время от времени национальные финансово-экономические системы нуждаются в «очищении» (это касается рыночной экономики), перестройке агентов рынка, переходе на другие инструменты регулирования, новых технологиях. Это – устоявшаяся закономерность развития, по крайней мере, с XIX в. Предыдущий мировой деловой цикл завершился сильнейшим кризисом в 2001–2002 гг. Новый цикл начался с конца 2002 г., а если иметь в виду, что длительность циклов в послевоенные десятилетия составила в среднем временной отрезок в 8–10 лет, то очевидно, что мировая экономика находится в преддверии очередного циклического кризиса. И ныне бушующий финансовый кризис – это своего рода вступление мировой экономики в активную фазу, в собственно кризис в сфере реального производства. То обстоятельство, что он начался в области финансового сектора мировой экономики, – это, на наш взгляд, вполне объяснимое явление, связанное с множеством факторов, в том числе и в сферах изменений в области конкуренции, ценообразования на нефть, структуризации финансовых рынков и т. д. Все это играет в последнее десятилетие исключительное значение в плане деформации как естественного протекания цикла, так и с точки зрения общего движения мировых финансовых потоков капитала.

Особо важное значение во всех этих причинах имеет нефть и ценообразование на этот продукт. В результате динамичного роста экономики в основных центрах развитого сегмента мировой экономической системы (Северная Америка – Западная Европа – Япония), а также Китая, Индии и некоторых других быстро растущих экономик потребности в нефти, обеспечивающей их рост, непрерывно возрастали. Это обстоятельство являлось постоянным фактором для спекулятивного повышения цен на жидкое топливо. Использовались разные мотивы для взвинчивания цен (постоянная нестабильность на Ближнем Востоке, где проходят международные коммуникации по доставке нефти в развитые регионы, партизанские рейды в Нигерии на нефтепромыслы, циклоны на юге Америки, в Мексиканском заливе, повышенные потребности китайской экономики и пр.), и все это служило поводом для повышения цен на нефть. В результате себестоимость барреля нефти «оторвалась» от ценообразования на нефть, соответственно прибыль нефтяных компаний составляет, по разным расчетам, от 250 до 450 %. И что знаменательно, произошел полный подрыв свободного ценообразования и соответственно конкурентной основы в этом секторе мирового хозяйства. В результате произошло следующее: с одной стороны, нефтяные компании и аккумулирующие их средства финансовые институты стали обладателями громадных массивов «свободных денег»; с другой стороны, эти «легкие деньги» перетекают в другие, прибыльные сферы хозяйства, в том числе в индивидуальное жилищное строительство, формируя повышенный спрос в периоды повышательной фазы в динамике цикла и, наоборот, оказывая отрицательное воздействие в стадии стагнации движения цикла. С третьей стороны, колоссальные прибыли порождают различного рода «финансовые пирамиды» и «финансовые пузыри», разрушают устойчивость отдельных звеньев финансовой системы, развращают менеджмент огромными дивидендами (даже за плохое управление). Все это подрывает принципы конкурентных механизмов в целом в бизнесе. Формирование крупных массивов «свободных денег» в свою очередь порождает мощную инфляционную тенденцию глобального масштаба, которая распространяется по всему миру. Обесцени-

вание ведущих мировых валют – это устойчивая тенденция последних десятилетий, в решающей степени связанная с неолиберально-монетарными доктринами, проповедующими всемогущество денег и денежного успеха в деятельности человека, маниакальной устремленностью современного бизнеса исключительно к наживе любой ценой при игнорировании общественных целей и морально-этических ценностей, свойственных западным обществам вплоть до 80-х гг. XX в. Отсюда, между прочим, и появление другой тенденции – снижение общего уровня менеджмента повсюду в мире, его деинтеллектуализация, увлечение чрезмерно рискованными финансовыми и иными деловыми операциями, на которые легко идут менеджеры, рассчитывая на получение быстрых и легких сверхприбылей.

Все эти процессы, среди которых особо важное значение принадлежит деформациям в ценообразовании и подавлению конкуренции как в нефтяном секторе, так и сопряженных с ним сферах, гигантские денежные массивы, которыми стали самовластно распоряжаться узкие круги финансово-промышленных групп, инфляция и неустойчивость цен на энергоносители, их «отрыв» от ценообразующих факторов вместе с глобальной политической нестабильностью ведут к подрыву мировой финансовой системы и ее отдельных звеньев. А это в свою очередь оказывает и прямое, и косвенное влияние на экономики стран в силу тесной взаимосвязанности различных звеньев мировой экономики и финансов. Указанные особенности динамики современного глобального делового цикла оказали свое влияние на специфическое развертывание мирового финансового кризиса, в том числе на систему американской ипотеки.

Почему кризис разразился в системе американской ипотеки?

Индивидуальное жилищное строительство в Америке занимает особо важное значение – и как сектор экономики, и как существенная часть всей социальной политики государства. На волне достаточно устойчивого развития на протяжении последних лет (впрочем, как и в предыдущие два десятилетия) правительство проводило целенаправленную экономическую политику в этой области, обеспечивая граждан страны сравнительно легким доступом к банковским кредитам через систему ипотечных банков. Такая политика – важнейшая составляющая всей социальной политики американского государства, направленная на обеспечение высокого уровня жизни населения страны. В высказываниях российских аналитиков, для которых бедность населения – привычное состояние, так же как и крайняя неэффективность социальной политики государства, преобладают легковесные суждения относительно того, что это была «неправильная» политика.

По их мнению, якобы «непродуманные действия» ипотечных банков Америки, связанные с обеспечением «легких денег», когда чуть ли не любой неимущий мог получить кредит с целью приобрести индивидуальный дом или квартиру, и послужили причиной обвала. На самом деле эта ипотечная политика была (и является при всех спадах и депрессиях) и продуманной, и ответственной; она, как мы отмечали выше, – составная часть всей американской социально-экономической политики, преследующей среди прочих задачу сокращения разрыва между богатыми и бедными стратами, делая доступными ипотечные займы для любого работающего человека в Америке.

Главные причины развернувшегося кризиса находятся в иной плоскости – в области общего ухудшения воспроизводственных условий, в «затухании» темпов

роста экономики, в спекулятивном движении больших массивов капитала и формировании «мыльных пузырей», буквально выколачивающих колоссальные прибыли на биржевых спекуляциях ценными бумагами. И, по моему глубокому убеждению, в исчерпанности самой модели экономической политики, основанной на неолиберально-монетарной идеологии. Отсюда – неадекватность политики новым условиям развития современного капитализма в его основных центрах (США – ЕС – Япония).

Кризисные проявления стали заметными еще в 2007 г., постепенно расширяясь со второй половины года, вторгаясь в «пограничные» (к ипотечной системе) финансово-банковские отношения. «Затухание» темпов экономического роста – это общий индикатор, складывающийся как следствие множества переплетающихся своего рода «мини-факторов», в том числе все более участвовавших случаев нарушения бизнес-этики менеджерами в промышленной и банковской сфере. Это небезобидные «эпизоды», поскольку они формируют мощные импульсы в поведенческих действиях основного массива агентов свободного рынка – клиентов, подрывая их доверие. Падение доверия людей к финансовым институтам – это смертный приговор. Это и стало происходить в системе американской ипотеки. Отсюда – кризис платежей, проблема ликвидности и соответственно банкротство действующих в сфере ипотеки банковских и иных инвестиционных институтов. Гибель гигантских “Fannie Mae” и “Freddie Mac” стала потрясением для всего американского общества. Достаточно отметить, что суммарные активы этих двух ипотечных банков составляли около 6 трлн долларов (ВВП России – чуть более 1,2 трлн долларов), чтобы представить масштабы бедствия от их банкротства, если бы не государственное вмешательство.

Скорее всего, неожиданным для американцев был второй удар кризиса, который, вторгнувшись в инвестиционные банки, сокрушил такие столпы финансово-банковской системы, как знаменитые “Lehman Brothers” (существует около 160 лет) и “Merrill Lynch” (более 100 лет), входившие в первую пятерку ведущих инвестиционных банков США. Их акции обесценились, вызвав возмущение во всей мировой финансовой системе (в силу колоссальных масштабов деятельности по всему миру).

Правительство США и его финансовый сектор были вынуждены занять активную позицию, тем более в условиях приближающихся (ноябрь 2008 г.) президентских выборов. Кандидаты от республиканцев (Маккей) и демократов (Обама) неистово клялись, что только приход именно Маккея или Обамы в Белый дом может положить конец кризису.

Надо признать, действия американского правительства были достаточно энергичными. Так, “Lehman Brothers” был частично национализирован, – спасая от неминуемого банкротства, ФРС США (Центральный банк) предоставила ему многомиллиардные кредиты, притом что его страховые гарантии перешли под государственный контроль.

Но кризис есть кризис, у него своя динамика. Через несколько дней он обрушил третий сокрушительный удар – на этот раз по крупнейшей в мире инвестиционной группе “American International Group (AIG) Investments”. Компании, входящие в эту группу, управляли активами на сумму более 753 млрд долларов по всему миру (более чем в 60 странах).

Кроме того, они контролировали кредиты и ипотечные займы на общую сумму более чем в 300 млрд долларов. Банкротство этого супергиганта в мировой финансовой системе (как и в случае с «Фэнни» и «Фрэдди») могло бы обрушить ее до основания. Этого американское государство не могло допустить. Поэтому и эта «группа» также была частично национализирована по такой же схеме, как «Fannie» и «Freddie». Затем настала очередь банкротств инвестиционных банков, которым также был брошен «спасательный круг» государством. По сути, все они также подверглись национализации. На грани банкротства оказались два прославленных банковских кита Америки – «Morgan Stanley» и «Goldman Sachs»; оба обратились с просьбой в ФРС об изменении их статуса – ныне они перестали быть инвестиционными банками, превратившись в обычные. Соответственно, ФРС поручило Федеральному резервному банку Нью-Йорка расширить кредитную поддержку этим двум банкам. Мощный и тоже, казалось, вечный банк «Washington Mutual» начал срочные переговоры о своей продаже (на его депозитах хранятся средства частных вкладчиков на сумму свыше 300 млрд долларов). *Этот банк стал 13-м американским банком, обанкротившимся в ходе нынешнего финансового кризиса. Крах этого банка стал одним из самых крупных банкротств в банковской сфере за всю историю США. Он был в ускоренном порядке взят под контроль федеральных властей, а его многочисленные подразделения приобретены группой банка «JP Morgan Chase». «JP Morgan Chase» в результате поглощения сети «Washington Mutual» становится крупнейшим сберегательным банком США с объемом депозитов в 900 млрд долларов и 5400 отделениями.* Таким образом, идет параллельный процесс – укрепление монополистического капитала, альянс государства и крупных частных корпораций.

Президент Буш признал, что вся экономика США находится под угрозой и необходимо спасать финансовую систему страны, а не отдельные корпорации и банки. Являясь сторонником «свободного предпринимательства в нормальных условиях», президент Буш признает, что сложившиеся в Америке условия не являются «ординарными», поэтому он не может пустить разрушительные процессы на «самотек», поскольку они спровоцируют глубокую и длительную рецессию. Это означало бы серьезный удар по благосостоянию американских граждан. *«Если бы можно было сделать так, чтобы все безответственные компании Уолл-стрит могли обанкротиться, не оказав влияния на ваши семьи, я бы сделал это. Меры по спасению, которые мы принимаем, направлены не на Уолл-стрит, а на те улицы, где вы живете»,* – заявил президент, обосновывая «План Полсона» («План-700»).

Крупные финансисты, чувствуя себя уверенно, также включились в борьбу за преодоление кризиса. Так, один из богатейших людей современной Америки Уоррен Баффет через принадлежащую ему компанию «Berkshire Hatway» заключил сделку о покупке привилегированных акций «Goldman Sachs» на 5 млрд долларов, что значительно улучшило положение этого находящегося в затруднительной ситуации банковского гиганта. Это, конечно, также играет на стабилизацию финансово-банковской системы. Баффет также стал скупать акции промышленного гиганта «General Electric» на сумму в 3 млрд долларов, попавшего в затруднительное положение из-за финансового кризиса. Индексы, в том числе Доу-Джонс, пережили самое глубокое падение после террористических актов 11 сентября 2001 г. Затруднения такой знаковой корпорации, какой является «General

Electric», иллюстрируют, что финансовый кризис перерастает в общий экономический. В Америке происходит резкое снижение потребительского спроса, многие американцы вынуждены вводить для себя жесткий режим экономии, сокращать приобретение товаров длительного пользования. Автомобильные корпорации, например, бьют тревогу по поводу падения объемов продаж индивидуальных домов, квартир, машин, других товаров длительного пользования повсюду в мире.

При этом следует отметить, что современную мировую финансовую систему с достаточной условностью можно называть «системой». Она состоит из разнородных подсистем, главными звеньями которой являются крупнейшие частные финансовые группы, банки, финансовые секторы промышленных, торговых и иных корпораций, действующие (и очень часто) в разнонаправленных векторах, вызывающих возмущения в системе. Финансовые спекулянты, ворочающие десятками миллиардов долларов, действуют исключительно по мотивам получения немедленной прибыли, перебрасывая гигантские ресурсы из одного финансового центра в другой, из отрасли (сферы) в отрасль, нанося могучие удары по условному равновесию самой системы, подводя ее к краю гибели. Так формируются «финансовые пузыри», когда цены на акции в десятки раз превышают реальную их стоимость. Рецессия в реальном секторе экономики развитых стран мира становится реальностью. Это, несомненно, отразится на ценах на нефть, что с неизбежностью затронет экономику России, ее модернизационные планы и социальные цели общества.

Великая депрессия 1929–1933 гг. породила кейнсианство

Приведем поучительные исторические параллели. Как известно, Великая депрессия 1929–1933 гг. положила начало концу классической либеральной экономической теории, проповедующей невмешательство государства в экономическую жизнь, и обозначила формирование мощной теоретико-методологической альтернативы – кейнсианства. Оно стало базой для экономической политики Запада, вплоть до кризиса 70-х гг., когда на смену снова «вернулись» неолиберальные подходы.

Ключевой тезис Дж. М. Кейнса состоял в утверждении о *принципиальной невозможности современного капитализма развиваться без государственного регулирования*. Современный мировой финансовый кризис еще раз подтвердил этот ключевой тезис знаменитого экономиста.

Разумеется, хозяйственная практика всегда идет впереди экономической теории. Глубокий упадок в промышленном производстве, разрушение банковской системы, банкротство корпораций, банков, торговых фирм и т. д. – все это привело к неизбежным попыткам американского государства в 30-е гг. оказать более существенное влияние на экономические процессы. Тем самым разрушались традиционные для развитых стран представления о роли государства в экономике, способах и формах его экономического вмешательства, что противоречило принципам классического либерализма, доминировавшего, по крайней мере, последние 200 лет в Западной Европе и Америке. Хотя, следует отметить, в ходе Первой мировой войны все ее основные участники, и особенно Германия, основательно преуспели в развитии процессов государственного вмешательства в экономику, когда стали укрепляться *прямые функции в области государственного регулирования национальных хозяйств, расширился госсектор в народном хозяйстве страны*.

Но в послевоенные годы эта внезапно пробудившаяся экономическая функция оказалась постепенно свернутой, и, как представлялось, снова восторжествовал принцип традиционной либеральной экономики – и в США, и в Западной Европе.

Разрушительный кризис, начавшийся в США в начале 1929 г. (в странах Западной Европы он обозначился несколько раньше – во второй половине 1928 г.), а также приход к президентской власти Франклина Делано Рузвельта качественно изменили отношение государства к экономике. Следует сказать и то, что в те годы в экономической и даже политической жизни Америки доминировали представители крупных корпораций, которые открыто вмешивались в вопросы государственной политики, процветали протекционизм, коррупция, а правительство, как отмечала пресса тех времен, погрязло в склоках, связанных с патронажем разных групп бизнеса. Обстановку тех времен охарактеризовал сам президент Рузвельт следующим образом: *«Правительство, которым управляют деньги, так же опасно, как и правительство, состоящее из преступников»*.

В такой обстановке Рузвельт предложил стране свой знаменитый «Новый курс», предполагающий решительный контроль государства над деятельностью большого бизнеса, его переориентацию на решение национальных задач и вывод экономики страны из глубокого кризиса. Эти задачи диктовали необходимость активного государственного регулирования макроэкономических процессов. А как травила «свободная пресса» Америки Рузвельта, обвиняя его в приверженности к коммунизму! Конечно, мощные американские корпорации, в течение двух столетий развивающиеся в духе доктрины *Laisses faire*, то есть *абсолютного либерализма*, отвергали любую форму вмешательства в экономику, хотя сами были не в состоянии справиться с наступившим разрушительным кризисом. К счастью для Америки той эпохи, президент Рузвельт сумел преодолеть яростное сопротивление больших корпораций, привычный догматизм элитарных слоев общества и вывести страну из кризиса.

Суть рузвельтовской модели состояла в следующем: во-первых, отделить экономику (большие корпорации) от политики с точки зрения воздействия на нее корпоративных интересов; во-вторых, дать импульсы для развития смешанной экономики; в-третьих, обеспечить социальный характер государства. Это и является сутью и содержанием кейнсианства. Великий экономист XX в. Дж. М. Кейнс был основателем этого направления экономической мысли, «параллельной» классической. Она стала методологической базой экономической политики капиталистических стран 30–70-х гг.

Кейнсианство возвращается?

Первое десятилетие XXI столетия – это, конечно, не времена Великой депрессии, не послевоенные десятилетия – совершенно иные условия экономического развития по сравнению с ними. Но похоже на то, что при всей своей огромной мощи частные финансово-экономические корпорации не в состоянии самостоятельно справиться с проблемами глубоких спадов и депрессий, угрожающих самой современной капиталистической системе, без опоры на силу государства и его властно-регулирующие возможности. Кейнс оказался прав: снова необходима активизация экономической функции государства, без чего невозможны не только общее развитие страны, не говоря уже о выводе экономики и финансов из кризисного состояния, но и сохранение существующей системы. В условиях,

когда процессы глобализации вторгаются прежде всего в финансовую подсистему мировой экономики, регулирование финансово-хозяйственных процессов через традиционное понимание «рынка» (когда предполагается конкуренция) становится иллюзорным. Здесь правят бал могучие финансовые, промышленные и иные корпоративные группы, контролирующие, как в случае с «AIG», активы в триллионы долларов, а конкуренция отходит на второй план – не она определяет их прибыли. Традиционная конкуренция действует уже лишь в секторах среднего и мелкого предпринимательства. Но даже «крупные» оказываются бессильными при несовершенном менеджменте. А в этой сфере в Америке обнаруживается много проблем – качество и эффективность менеджмента, как мы отмечали выше, резко снизились, причем это происходило параллельно тому, как возрастали доходы менеджеров в последнее десятилетие. Правительство Америки, озабоченное состоянием менеджмента, инициировало принятие закона «Сарбэйнс-Оксли» в 2002 г., после банкротства крупной нефтяной корпорации «Энрон». Закон усилил возможности государства и акционеров осуществлять контроль над операциями менеджмента. Но существенных позитивных изменений в этой области не произошло. Непрерывное снижение налогов на корпорации, что происходит в последние двадцать лет по мере развертывания неконсервативной волны, способствовало «возвращению» образов «праздного класса» Торстейна Веблена в американскую деловую жизнь. Менеджмент крупных корпораций как в Америке, так и в Европе, да и других странах, тем более в России, все чаще оказывается подвержен коррупции и разного рода мошенническим операциям. Это является не случайностью, а, скорее, закономерным отражением доминирующих в современных капиталистических обществах идей подчинения человеческой личности одному всемогущему, хотя и Идолу, – власти Денег. Это откровенно развращает современное общество, делает его уязвимым в нашем беспокойном мире, в том числе в той жестокой борьбе, которая развязана *альтернативными глобальными силами по всему периметру евроатлантической цивилизации.*

Крупные финансовые игроки, исходя из только им понятных соображений, все чаще идут на необоснованные риски, легко манипулируют десятками и сотнями миллиардов долларов, «перебрасывают» их из одной сферы в другую, порою искусственно порождая предпосылки потрясений на финансовых рынках и банкротств. Все это перестает быть «частным делом бизнеса», приобретая опасные для общества масштабы, нанося сокрушительные удары по равновесию всей мировой финансовой системы. Вполне очевидно и то, что данные процессы противоречат самому понятию «рынок», он все более «размывается» вне рыночным поведением самих агентов рынка. Соответственно формируется заметная тенденция к «нейтрализации» рынка как механизма аккумуляции и распределения финансовых ресурсов. Это, в частности, проявляется в сильнейшей деформации движения ссудного капитала по международным каналам.

Еще один показательный момент, который бросается в глаза, когда мы анализируем действия правительства США, пытающегося блокировать кризис, и реакцию большого бизнеса на эти действия. Американское правительство, традиционно ориентирующееся на либерально-монетарную идеологию в экономической политике, как было показано выше, вынуждено в своих практических шагах отказаться от этой традиции в пользу кейнсианской методологии и, в частности, осуществить национализацию целой группы финансовых компаний. Ежедневно происходит час-

тичная или полная национализация банков – и в Америке, и в Европе, и в Азии. При этом крайне интересно, что в очередь за такой национализацией выстроились очень многие американские банки.

Против такой политики выступает часть общества: традиционалисты-неоконсерваторы из Республиканской партии, сегмент научно-экспертного сообщества Америки, не затронутая кризисом часть предпринимателей. В частности, отвергая «План Полсона», профессор Принстонского университета Пол Кругман обвиняет правительство в том, что оно «стремится решить не только проблему ликвидности, но и явно переплачивать в пользу крупных банков и их собственников, выбрасывая деньги налогоплательщиков». С ним солидарен профессор Чикагского университета Льюиджи Зингалес. Последний в статье «Почему Полсон не прав» ставит вопрос: «Хотим ли мы жить в мире, где доходы частные, а убытки распределены на всех?»

Возможно, и эти суждения оказали свое влияние на американский Конгресс, который 29 сентября отказался утвердить «План Полсона», что вызвало новый виток кризиса, обрушив индексы биржи на Уолл-стрит, в том числе Доу-Джонс и Макдак. Но здесь причины сложнее – для многих конгрессменов-республиканцев принятие антикризисного плана было ничем иным, как утверждением «американского варианта социализма». Один из республиканцев, член палаты представителей, так и сказал: «Большевистская революция обещала народу России хлеб и свободу, но дала лишь хлеб. Сейчас, когда перед народом Америки стоит тот же выбор, мы выбираем свободу!» Проголосовав «против», конгрессмены объявили для себя 3-дневные каникулы в честь еврейского Нового года. В такой обстановке президент Буш решился на крайнюю меру – он «распечатал» стабилизационный фонд США (Exchange Stabilization Fund, ESF) объемом 51 млрд долларов, созданный еще в период Великой депрессии 1929–1933 гг. Однако 2 октября Сенат утвердил представленный Белым домом план спасения финансовой системы США в ходе драматического голосования. Через несколько дней Палата представителей, вернувшись к этому вопросу, также проголосовала за предложенный «План-700», или «План Полсона».

Все эти события, разворачивающиеся на наших глазах, подтверждают, что современный рынок (а в более общем плане – современный капитализм) – это далеко «не саморегулирующаяся система», он не в состоянии функционировать сам по себе, без активного государственного вмешательства. Это ключевая идея Дж. М. Кейнса, которая разводила его с либеральными теориями. Кризис возродил попытки теоретического осмысления не только происходящих событий, но и старый «великий спор» относительно судеб современной капиталистической системы: может ли она существовать без активного государственного вмешательства? Современные неоконсерваторы, к которым относится и сам президент Буш, полагают, что «вынужденный государственный дирижизм» – это временное явление, которое пройдет, когда завершится кризис. Противоположная точка зрения, которой придерживается значительная часть научно-экспертного сообщества и политической элиты (это современные реалисты-неокейнсианцы), достаточно твердо исходит из мнения исчерпанности позитивного потенциала крупного капитала как «саморегулирующейся системы». Она исходит из идеи невозможности нормального развития современной экономической системы без активного госу-

дарственного экономического вмешательства, причем в направлении достижения большей социальной справедливости.

Правительство разработало обширный план спасения всей финансовой системы – это так называемый «План Полсона» (по имени министра финансов Генри Полсона). В соответствии с ним оно запросило Конгресс выделить для этих целей 700 млрд долларов. В результате тяжелых дискуссий (и первоначального отклонения Нижней палатой), внесения в «план» существенных изменений он был одобрен. Правительство Буша получило карт-бланш на реорганизацию всей финансово-банковской системы страны – через массивное государственное вмешательство. Это означает не что иное, как *триумфальное возвращение кейнсианства, дискредитированное в 70–80-е гг., когда его заменила либерально-монетарная доктрина как методология экономической политики развитых стран мира*. Таким образом, конкретно речь идет о двух взаимосвязанных явлениях-процессах.

Первый. Официальный конец неолиберально-монетарной идеологии в экономической политике США (и других стран).

Второй. Хотя само имя Кейнса не произносится, но содержательная часть всех антикризисных мер соответствует его известным рекомендациям в части использования потенциала государства как экономической силы, решительно вторгающейся в экономику «свободного рынка».

Отметим, что все эти действия, сохранив от разрушения финансовую систему могущественной Америки, не уберегли ее от наступающей рецессии в целом в экономике страны. Экономический рост прекратился, трудности испытывают ведущие промышленные компании. Они отражаются на населении, в частности, стала расти безработица.

Глобализация финансового кризиса и ответные меры государств

Процесс банкротств финансово-банковских институтов быстро перекинулся из Америки на другие страны и континенты, прежде всего в Европу – слишком велика степень «переплетения» экономики и финансов в современном глобальном мире, их взаимозависимость и взаимосвязь. Это заставило правительства ведущих европейских и других государств приступить к консолидации своих усилий. Центральные банки «Великой триады» – Северной Америки, ЕС и Японии – 18 сентября 2008 г. выступили с заявлением о том, что они намерены осуществить массивную долларовую интервенцию (с целью решить проблему ликвидности банков) на общую сумму в 247 млрд долларов.

Председательствующий в ЕС президент Франции Н. Саркози, экстренно собрав в Париже глав всех ведущих стран (Великобритании, Германии и Италии) – своего рода «антикризисный саммит», – предложил план стабилизации европейского финансового рынка. Этот план предусматривал создание общеевропейского фонда на сумму около 300 млрд евро, средства из которого могли быть использованы для помощи проблемным европейским финансовым компаниям. Европейские эксперты проводили параллели между этим «Планом Саркози» и «Планом Полсона». Однако «План Саркози» (поддерживаемый итальянским премьером Берлускони) был отклонен германским канцлером Меркель и британским премьером Гордоном. Первоначально крупные европейские державы считали воз-

возможным преодолеть кризис самостоятельно. И только мощные его удары, когда он стал сотрясать все здание системы, заставили страны ЕС перейти к реальному объединению усилий.

11–12 октября на саммите министров финансов G-7 в Вашингтоне был принят другой план, который предусматривал 5 пунктов:

- Необходимо использовать все имеющиеся средства, чтобы поддержать системно важные финансовые институты, не допуская их банкротств.
- Обеспечить принятие всех необходимых мер для разблокирования кредитных и денежных рынков, гарантировать свободный доступ банков и других финансовых институтов к ликвидности и финансированию.
- Обеспечить банкам возможность привлекать капитал как из частных, так и из государственных источников в достаточных количествах для восстановления доверия и возобновления ими кредитования бизнеса и частных лиц.
- Обеспечить надежность национальных программ по страхованию вкладов через систему государственных гарантий.
- Принять дополнительные меры для возобновления деятельности вторичных рынков ипотечных и других ценных бумаг.

Эти общие принципы, которые, однако, выходят далеко за пределы Бреттон-Вудских соглашений, означают переход всей финансовой системы на качественно другой вектор развития. Это реально подтвердилось, когда было раскрыто содержание решений на указанном саммите G-7. В частности, министрами финансов «семерки» были приняты конкретные решения, свидетельствующие о глубококом переустройстве всей мировой финансовой архитектуры. В чем суть этих изменений? Назовем следующие 3 пункта.

Первое. Федеральная резервная система США (ФРС), Европейский Центральный банк (ЕЦБ), Банк Англии, Центральный банк Швейцарии объявили о снятии всех (любых!) ограничений на предоставление ликвидности в долларах США национальным банковским системам до 30 апреля 2009 г. Спустя несколько часов после этого решения к нему присоединился Банк Японии.

Второе. Все пять перечисленных выше банков немедленно объявили о первых аукционах без ограничений (по суммам): 14 октября на срок до 7 дней проводит кредитный залоговый аукцион Банк Англии; 15 октября на тот же срок – банки Швейцарии и Японии; ЕЦБ в тот же день, 15 октября, начинает программу еженедельных аукционов. Все 5 банков объявили дополнительные аукционы на сроки 28 и 84 дня; процентные ставки будут фиксированными.

Третье. Европейский Центральный Банк (ЕЦБ) сообщил, что он принял решение проводить аукционы, на которых будет осуществляться неограниченное предложение долларов (для «снятия» проблемы ликвидности), по крайней мере, до января 2009 г. Если традиционная денежная политика ЕЦБ и других членов «семерки» строилась на ограничении предложения ликвидности, отныне единственным инструментом регулирования рефинансирования в долларах становятся фиксированные предаукционные ставки процента центральных банков. Это исключительно важное новшество.

Таким образом, все эти решения мировых финансовых властей переводят глобальную финансовую систему в принципиально иное качество. Главным инст-

рументом регулирования провозглашается отныне не рынок, не его частные агенты, а государства и решения их финансовых властей. Это, как было сказано выше, свидетельство отказа от неолиберальной доктрины как методологической базы проводившейся на протяжении последних трех десятилетий финансово-экономической политики.

Одновременно с этими решениями страны ЕС приняли и свои национальные планы спасения финансовых систем, сконцентрировав для этого огромные финансовые ресурсы: Великобритания – 980 млрд долларов; Германия – 643 млрд; Франция – 540 млрд; Италия – 200 млрд; Испания – 150 млрд; Швеция – 120 млрд долларов. Естественно, страны ЕС испытывают не меньшие трудности в экономическом развитии, чем США. Их рост также приостановился. Соответственно возрастают масштабы социальных проблем. Их предполагается решать уже не через всеильный рынок, а через государственную политику стимулирования.

Кризис Бреттон-Вудских учреждений и необходимость наднациональных институтов глобального регулирования

Малоэффективные попытки 14 центральных банков наиболее развитых стран мира объединить свои усилия для предотвращения более серьезной угрозы краха мировой финансовой системы показывают, что нужны какие-то иные, более мощные усилия, причем качественно иного свойства – для *создания международной (наднациональной) системы регулирования глобальных финансово-экономических процессов*. Надо признать, что Бреттон-Вудские институты, созданные для этой цели, бессильны в современных условиях, и необходимо начать немедленные консультации для поиска новых международных механизмов регулирования с четко выраженным *наднациональным элементом*. В противном случае мировая финансовая система разлетится в клочья, взрывая мировую экономику.

Кризис существующих механизмов национального и международного регулирования в достаточно отчетливой форме проявился в ходе Азиатского кризиса 1997 г., когда от «услуг» МВФ отказалась целая группа азиатских стран, в частности Малайзия, которая, кстати, первой вышла из состояния кризиса. Но в те времена на эту важнейшую сторону проблемы в мировых финансовых кругах и научно-экспертном сообществе не обратили должного внимания.

Проблема осложнена тем обстоятельством, что фактически не существует наднациональных *механизмов регулирования* движения глобальных финансовых потоков.

Отметим при этом и то, что в глубоком кризисе находятся Бреттон-Вудские финансовые учреждения (Международный валютный фонд, Всемирный банк), призванные регулировать глобальные финансовые процессы. МВФ так и не «пришел в себя» после поражений в ходе Азиатского кризиса 1997–1998 гг. Резко сузилась сфера деятельности Всемирного банка, руководство которого, вопреки уставным обязанностям, сравнительно недавно объявило о том, что его главными функциями становится «борьба с бедностью в слаборазвитых странах на рыночной основе» (2003 г.). Отсюда – его деградация. Бедность в мире стремительно расширяется, а в связи с наступлением мирового продовольственного кризиса она становится критической. В глубоком и затяжном кризисе находится ВТО. Она никак не может завершить начавшийся в Дохе (Катар, 2001 г.) очередной раунд

всемирных торговых переговоров, имевший целью снять торговые барьеры между странами. Неразрешимые противоречия между богатыми странами Запада и группой развивающихся стран («группа двадцати» во главе с Бразилией) сделали невозможным позитивное завершение раунда ВТО. Но при этом интересно, что первоначально развитые страны обвиняли развивающиеся в том, что последние оказывают «чрезмерную государственную поддержку сельскому хозяйству», и требовали сокращения этой поддержки. Но сами развитые страны оказывают своим фермерам государственную помощь в размере 300 млрд долларов ежегодно.

Таким образом, существующие международные регулирующие институты фактически нейтрализованы, они нуждаются не просто в глубоком реформировании, а в замене их на реальные *наднациональные институты*, которые могли бы действовать эффективно, адекватно современным условиям, осуществляя глобальное торгово-экономическое и финансовое регулирование.

Это еще один урок современного мирового финансового потрясения, которое, разумеется, далеко не завершено и, скорее всего, преподаст немало ценных уроков. Надо только уметь их извлекать. С этим в отечественной экономической политике (как, впрочем, и в других странах) дело обстоит непросто. В частности, начавшаяся в развитых экономиках мира *рецессия* обрушивает цены на нефть – со 150 долларов в июне до 70 долларов в октябре (за 1 баррель). По-видимому, в скором времени эта цена упадет ниже 50 долларов. Это, несомненно, окажет сильное воздействие на ситуацию в России.

Российский вариант государственно-монополистического капитализма

В первый период «горячей фазы» американского финансового кризиса, когда обанкротились «Фрэдди» и «Макки», российские специалисты-аналитики (экономисты) с изумлением наблюдали за тем, как руководители финансово-экономического блока правительства чуть ли не с пренебрежением высказывались в плане того, что «Россию американский кризис не заденет, у нас устойчивая экономика, большие золотовалютные резервы (600 млрд долларов), стабильная финансовая система» и т. д. Вскоре, однако, пришло отрезвление – понимание серьезности ситуации. К тому же общая финансовая обстановка в стране была не особенно радужной. Беспокойство ощущалось в действиях банкиров, непрерывном ужесточении кредитных линий, свертывании инвестиционных программ. А проблема с ликвидностью становилась напряженной. Нерезиденты еще с мая 2008 г. плавно выводили свои активы из России.

Ситуацию буквально взорвала пятидневная российско-грузинская война на фоне начавшихся в Пекине Олимпийских игр (в начале августа) – вот когда начался бурный отток иностранного капитала из страны. По данным «Forbes», к середине сентября объем оттока составил свыше 20 млрд долларов (по официальным данным, эта величина составила около 5 млрд долларов). С учетом того обстоятельства, что финансовые рынки России все еще весьма слабы, а деньги, находящиеся в сфере их оборота, незначительны, вывод 20 млрд долларов – это очень большой денежный объем, отток которого имел три принципиальных значения.

Во-первых, этот отток подрывал позиции российских банков и в целом банковской системы, мгновенно усилил кризис доверия к банкам, в том числе уже со стороны российских клиентов.

Во-вторых, в условиях политической и финансово-экономической неопределенности, созданной не столько самой новой Кавказской войной, сколько ее последствиями (осложнениями с Западом), российская банковская система показала свою откровенную слабость и уязвимость.

В-третьих, особую нервозность обстановке придавала огромная внешняя задолженность российских банков и компаний (в том числе государственных) на сумму в почти 500 млрд долларов (эта сумма почти эквивалентна сумме всего государственного резервного фонда).

В условиях взорвавшейся глобальной политической ситуации (в связи с российско-грузинской войной) российские должники стали чувствовать себя крайне «неуютно» по вопросам, связанным с этими огромными внешними долгами. Это привносило дополнительное смятение в банковские круги, стимулируя их панические действия. Естественно, ускорился и процесс изъятия гражданами своих вкладов, все острее становилась проблема ликвидности.

На этом фоне и произошли *обвал фондового рынка, бегство иностранного капитала*, обесценивание акций практически всех крупных корпораций и банков, растерянность в деловых (и неделовых) кругах. Далее мы видели лихорадочную деятельность высоких должностных лиц, финансовых властей, приведение в движение огромного массива ликвидных средств в качестве «подушки» для смягчения возможного более тяжелого удара со стороны мировой финансовой системы, находящейся в тисках кризиса.

В целом ответная реакция правительства была достаточно адекватной. В частности, три самых крупных банка России – «Сбербанк», «ВТБ» и «Газпромбанк» – получили 1,5 трлн р. на поддержание банковской системы страны. Эта «тройка» должна обеспечить в течение трех месяцев предоставление ликвидных средств другим банкам, которые нуждаются в такой наличности. (Другая задача – приоритетное кредитование малых и средних предприятий.) Помимо этого, Министерство финансов предложило банкам дополнительно 900 млрд р. (через аукционы), также на 3 месяца, для обеспечения ликвидности банковской системы (в общей сложности 75 млрд долларов). В целом, как я подсчитал, на антикризисные меры правительство выделило свыше 6 трлн р. Это огромные деньги, и то обстоятельство, что даже в условиях не столько кризиса, сколько предкризиса они оказались в распоряжении государства, безусловно, оказало позитивное воздействие на состояние общей банковской системы и предотвратило ее реальное обрушение. В самом конце сентября премьер Владимир Путин объявил еще об одной важной акции, предпринятой для стабилизации банковской системы, – предоставлении «Внешэкономбанку» 50 млрд долларов для обеспечения погашения иностранной задолженности российских банков. Это, несомненно, также увеличивает «запас прочности» последних в условиях продолжающегося мирового финансового кризиса, который, безусловно, затрагивает финансы и экономику России. Для вкладчиков гарантированы 100 % обеспечения их вложений до 700 тыс. р.

В то же время имеется удивительное сходство мер, принимаемых американским и российским правительствами. По признанию аналитиков и политических сил в самой Америке, «План Полсона» направлен на обеспечение интересов собственников банковских учреждений, хотя он в какой-то мере обеспечивает и интересы «среднего класса» – небогатых вкладчиков. «План Путина», как это пока-

зывает его анализ, также направлен на обеспечение интересов избранных банкиров и крупных акционеров.

В предыдущие десятилетия в отечественной экономической науке такую систему было принято называть «государственно-монополистическим капитализмом», а я сам написал десятки работ на эту тему. Не являемся ли мы очевидцами формирования специфического российского варианта государственно-монополистического капитализма?

Государственно-монополистический капитализм (ГМК) – это, кратко говоря, альянс государства и крупных корпораций с целью обеспечения условий воспроизводства самой системы и прибыльного (или, скорее, сверхприбыльного) функционирования монополизированного сектора экономики и финансов. Политика правящих кругов страны полностью подчинена этой общей стратегической задаче.

Рассмотрим всего лишь один аспект этой проблемы – влияние государства на обеспечение сверхдоходами частных и государственных компаний, действующих в сфере добычи и переработки нефти, через ценообразование. При поддержке государства эти компании непрерывно вбрасывают в общество и пропагандируют совершенно ложную концепцию относительно «жесткой зависимости» внутренних и мировых цен на «жидкое топливо». Но профессиональные экономисты хорошо знают, что эта «жесткость» действует исключительно для стран-импортеров нефти, но никак не для экспортеров. Однако государство и нефтяные корпорации цинично вводят в заблуждение общество, игнорируя азбучные истины экономической теории, если последняя не соответствует интересам правящих и деловых кругов.

Результаты – просто трагические, на огромных просторах Российской Федерации более чем в 10 раз сокращены авиаперевозки людей и грузов по сравнению со временами социализма. Цинизм доведен до таких беспредельных высот (как и стоимость авиабилетов), что перелеты внутри России из города в город обходятся намного дороже, чем перелеты на аналогичные расстояния на международных авиарейсах иностранных компаний, и прежде всего из-за чрезмерной дороговизны авиационного топлива (превышающего цены в Европе, Америке или Азии). Авиакомпании разоряются, из-за низких доходов они закупают изношенные машины; отсюда – частые воздушные трагедии и гибель пассажиров.

Монопольно высокие цены на керосин, бензин, солярку и прочие компоненты создали огромное число проблем для сельского хозяйства – растениеводства, животноводства (мясо-молочной отрасли). В деревнях Подмосковья (в маленьких магазинчиках) или даже в богатейшем Краснодарском крае капуста, морковь, фрукты и овощи не местного производства, а завезенные из Израиля и Турции. Оказывается, из-за чрезмерно высокой себестоимости (как следствие сверхвысоких цен на топливо) выгоднее ввозить эту аграрную продукцию из дальних стран. То же самое относится к мясо-молочной продукции, а свежее молоко из российской торговли вообще исчезло уже давно, с периода перехода от социализма к капитализму. Цены на продовольствие в московских магазинах превышают цены в Нью-Йорке (сам проверял недавно). Такой вот специфический капитализм действует в современной России. Это и есть *государственно-монополистический капитализм в его специфическом российском варианте*.

Поэтому глубокий экономический кризис в России вполне вероятен, и вряд ли «перенасыщение банков» ликвидными средствами может более или менее серьезно в долгосрочном плане обезопасить экономику и финансы страны от не-

гативных последствий мирового финансового и экономического кризиса (если он приобретет длительный характер). Российская экономика сильнейшим образом связана с мировой экономикой не только через поставки больших объемов нефти и газа на мировой рынок. В Россию поступают все возрастающие объемы продовольствия, поскольку отечественное сельское хозяйство разрушено и находится в лучшем случае в режиме стагнации. Все сложное технологическое оборудование и комплектующие: машины, инструменты и станки – по всему многочисленному перечню современных изделий доставляются в Россию из развитых западных стран; не создана элементная база. Сельскохозяйственная техника, машины по переработке аграрной и животноводческой продукции, энергетическое и электроэнергетическое оборудование, трактора, грузовые машины, подвижный состав для железной дороги, самолеты, весь набор электроники и многое-многое другое – все это импортируется из множества стран мира в Россию.

Экономика в целом характеризуется крайней степенью разбалансированности, когда для ее нормального функционирования импортируются целые звенья производств. Таким образом, импорт приобрел жизненно важное значение для функционирования российской экономики и продовольственного обеспечения населения. Соответственно, говорить об экономической самостоятельности России не приходится.

На наш взгляд, бушующий в мире современный финансовый кризис – это всего лишь прелюдия к вступлению в более мощный экономический кризис. Он во многом определяется циклическим развитием и национальной, и мировой экономики. Рецессия стала реальностью. Прежний деловой цикл в мировой экономике начался после преодоления мирового кризиса 2001–2002 гг. Если учитывать, что продолжительность динамики циклов в послевоенные десятилетия длилась 8–10 лет, финансовый кризис конца 2007–2008 гг. можно рассматривать как прелюдию к более мощному кризису уже в сфере собственно производства и торговли. Отсюда – вступление мировой экономики (ее развитого сегмента) в фазу *длительного замедления роста, рецессии и стагнации.* Это неизбежно снизит потребности в жидком топливе в США, Японии и Западной Европе, что скажется на снижении ценового фактора, несмотря на сохраняющуюся потребность в нем со стороны Китая и Индии.

Россия окажется в центре будущего мирового экономического кризиса в силу чрезмерной зависимости от нефтегазового фактора, а также от импорта, возможности которого значительно сузятся. Следствием станет стагнация производства, падение темпов роста, ухудшение положения трудящихся слоев (производственных рабочих и инженеров, служащих, крестьянства).

Ясно одно – спады, стагнации производства и тем более кризисы в западных странах самым сильнейшим образом влияют на российскую экономику. Полностью освободиться от влияния иностранного рынка – это не может быть успешной целью ни для одной страны мира, да и вряд ли такая цель позитивна в современных условиях. Умелое использование процессов международного разделения труда, когда страна производит то, что определяется ее естественными преимуществами, – вот тот путь, который является наиболее рациональным для обществ, достигших успехов и процветания.